

комин в печке. Спустя часа 2 или 3 наружную дверь стали открывать, и тут раздались 2 выстрела.

Гитлеровцу попали в голову, а полицейскому в руку, и мы вырвались на волю. Позднее мы выяснили, что Кулешов был обнаружен в сарае Морозова Ефима вечером 21 февраля и был расстрелян. Окаемов, Лузенин и Соловьев почему-то не вышли из камер, хотя их камеры были открыты. Все они также утром были расстреляны.

Мы — Каинов, Янушков, Дудин, Воликов и я, удачно пришли в д. Городок к Владимиру Маркияновичу Козлову, куда нам должны были из Кричева доставить оружие...

После нашего побега был организован отряд № 48.

Узнав о нашем аресте, ушел из города и Гавриленко А.Л., с которым мы встретились на Холоблянской даче. Оставшиеся подпольщики продолжали действовать.

Заслуживают внимания действия группы, работавшей в «Заготзерно» под руководством Родиона Филимоновича Федосеенко с участием Козлова Иосифа, которые передавали зерно якобы в торговлю через Дудина Никиту Аф., а фактически оно предназначалось для партизан. Передавалось зерно также через Данилова Архипа Фроловича, его брата Федора Фроловича, Григорова Дмитрия Ефимовича.

Предвидя разоблачение Р.Ф. Федосеенко, пытались отвести от него подозрение. Два партизана, переодевшись в форму полицейских, среди бела дня «арестовали» Федосеенко на работе и увели в лес. В мае 1943 г., находясь на задании, Федосеенко погиб, а Зонтов Евгений был ранен.

Продолжали действовать также Зонтов Николай и его братья Тимофей и Иосиф, Лазорева Люба, Толкачева и др. Все они приходили на связь в лес.

Лазорева работала в больнице, и вместе с врачом Черновым они вылечили находящегося в Кричеве в связи с ранением Зонтова Евгения, после чего он отправился снова в лес.

Позже кем-то был предан Зонтов Николай и захвачен фашистами. Его посадили в

Климовичскую тюрьму, но ему удалось бежать.

Считаю нужным добавить, что ... Каинов М.Г. и Зонтов Н.Г. встречались с тов. Сургановым и Макаровым и получали от них задания.

От Толкачевой Марии нам стало известно, что 21 февраля 1943 г. мы должны были быть расстреляны, но благодаря мужеству подпольщиков... фашистам расправиться с нами не удалось. Была арестована и зверски замучена Толкачева Мария.

Погиб в партизанском отряде мой брат Витя.

До ухода в лес от него полиция всеми методами, вплоть до того, что заставляли пить водку, добивались местонахождения товарищей. Не помогли полицейам ни угрозы оружием, ни побои. Он до конца стоял на своем — что он не знает... В честь него есть небольшой рассказ в книге Федора Жички «Паспелі суніцы». В связи с 20-летием Победы он посмертно награжден медалью «За отвагу».

*Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.
Ф. 1394. Воп. 1. Спр. 23. Л. 135, 140.*

Падрыхтавала да друку Л.У. Ляховіч.

З успамінаў І.С. Віцгова, брата А.С. Віцгова

...К нам часто приходили с цементного завода «дядя Саша» и «дядя Гриша». По их указанию брат пошел работать в сентябре 1941 г. на станцию Кричев-2. Вместе с Бороховым Василием по их заданию они должны были взорвать пассажирский поезд с офицерским составом гитлеровцев, следовавший под Москву. Из-за нехватки шнура на стыке... взрыва не последовало. Тогда мой брат Алексей и Борохов Василий обстреляли его с пулемета в районе д. Прохоровка. В завязавшей перестрелке брат был ранен. Раненный, он дополз до пос. Михеевичи, откуда я привез его на лошади...

К брату часто приходили тогда Борохов В., Абабкин В., Круподеров А. Несколькое раз приходил Штолик А.Н. У нас они в период ранения брата встречались с «дядей

Сашей» и «дядей Гришей», которые приходили под видом ремонта гармошки.

В 1942 г. по заданию «дяди Саши» были танцы под эту гармошку в д. Коренец. В период танцев я был оставлен смотреть за гармошкой, а брат, Борохов, Круподеров и Абабкин заложили мину под рельсы на перегоне Кричев—Климовичи, и немецкий поезд и 7 вагонов с вооружением пошел под откос.

В ту же ночь ими совместно с партизанами был разогнан небольшой гарнизон около разъезда Михеевичи, взорван паровоз с несколькими вагонами и около 50 м в разных местах железнодорожных путей. Партизанским отрядом (а он состоял тогда из 13–15 человек) руководил инструктор Краснопольского райкома (или райисполкома, не знаю), фамилия на букву Н. Несколько раз по его заданию люди призывного возраста и «монголы» (так называли окруженцев, приставших в примачки) при появлении партизан брались за оружие и вливались в партизанский отряд...

Подпольная группа имела связь с военнопленными из городка и ей было вменено наблюдение за движением по железной дороге Кричев—Рославль. Брат говорил мне, чтобы я пас лошадей вблизи этого перегона и вел учет движения.

Очень много было собрано подпольной группой оружия и взрывчатки (собранного в дуброве и на Михеевичском поле) и передано в партизанские отряды. Ведь в этих местах около 3 месяцев стоял фронт...

Нашу дивизию из окружения по Мукинским и Брянским лесам вывел мой 110-летний дедушка Жиганов Степан (отец матери) в районе Ельни, за что ему дали для возвращения обратно лошадь, телегу, снабдили одеждой, обувью и пищей (он ходил босиком и в полотняной одежде). Штаб дивизии находился в его доме, и его трижды направляли на разведку в тыл (в г. Кричев).

Часть собранного оружия хранилась в дуброве и в Круглом Рове (недалеко от спиртзавода), откуда оно под видом перевозки глины и камней для ремонта перевозилось к нам и переправлялось в партизанские отряды и военнопленным. Тол добы-

вался от разрядки наших противопехотных мин, которыми было заминировано Михеевичское поле, около 100 га на другую сторону шоссе (от Михеевич и почти до Прохоровки). Я и Тарасенко Алексеем по заданию брата разряжали их, пася скот в Крутом Рове — вставляли выструганные палочки между ударником и запалом. Хранили его до перевозки в ямах, где была выбрана глина (там засыпано осталось около 10 кг тола после того, как нас забрали, а в кустах ольхи остался ручной пулемет с 3 дисками и 9 винтовок с металлическим ящиком патронов)...

Хранилось оружие в Крутом Рове и под хворостом в кустах. Три раза оружие... к нам привозил какой-то полицейский чин из Кричева. Во всех случаях я не присутствовал при разговорах брата с приходившими людьми, а по его приказанию находился на часах... и должен был давать сигнал при появлении машин, полицейских, немцев или незнакомых людей. В таких случаях «дяди» занимались «ремонтом» гармошки, знакомые «играли в карты».

Хорошо помнится такой случай.

В конце сентября 1942 г. в субботу, в тайники телеги и под сено братом, Бороховым В. и мною было погружено 10–12 кг тола, 7 винтовок, более 500 патронов и в корбочке 6 запалов для мин. Брат взял гармошку, Борохов Василий бубен. На всякий случай, в передок телеги была поставлена 10-литровая канистра с соляжкой, 2 кг соли, 1 л самогона и немного муки (что было передано, кроме самогона, «дядей Сашей» с цемзавода). Брат и Василий сели, я открыл им ворота, и они выехали.

Когда они отъехали 150–200 м от дома, со двора Лычковой... вышли 2 жандарма с полицейским Шагако Карпом, с которым до войны отец был в неплохих отношениях. Шагако спросил, куда они едут, и стали обыскивать, обратив внимание сначала на канистру, самогон и соль.

Самогон, кусочек сала и канистру они сразу же сняли с телеги. Но брат стал просить Шагако Карпа, напомнив о дружбе его с отцом. Он сказал, что семья наша большая, работать нет кому, мать больная, а за свои предыдущие поездки в д. Ходунь он

высмотрел для себя невесту и едет свататься. Поэтому он просил его вернуть все назад, а если они хотят угоститься, то пусть идут домой, и там для них найдется. Я стоял в сенях и, приоткрыв дверь, видел все это и слышал почти весь разговор. Шагако стал это жандармам объяснять...

После этого разговора они вернули снятое с телеги, и, прекратив обыск, направились к нашему дому, а брат с Василием поехали в д. Ходунь. Конечно, «господ» пришлось угостить. В д. Ходунь все это было передано связным разведчикам из партизанской бригады, и на завтра они вернулись обратно и привезли 10 л самогона... По предложению старшего из разведчиков, чтобы не было подозрения, с братом и Василием Бороховым к нам приехала девушка... Девушку эту звали, кажется, Марией. Она была у нас 2–2,5 часа, мать угостила ее обедом и она ушла. Через некоторое время явился Шагако и стал расспрашивать, что и как. Алексей ответил, что она приехала рас-

смотреть, куда она попадет и сетовала на то, что семья большая, работы много и она еще подумает. Пришлось снова угостить «пана полицейского».

Основные участники подпольной группы – брат, Борохов, Абабкин, Круподеров, Брыков из тюрьмы Кричева были увезены в г. Климовичи. Как потом мать рассказывала (она ходила туда), они были расстреляны в Климовичах. Что касается меня и Николайченко, то нас увезли на запад, в г. Белосток. Я попал в рабочую команду, а Николайченко остался в лагере.

В период налета авиации, когда мы грузили на автомашины какие-то ящики в городе, мне удалось бежать. Пробрался до д. Сосны около Баранович где-то, где меня освободили... После Белостока о Николайченко ничего не знаю...

*Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.
Ф. 1394. Воп. 1. Спр. 23. Л. 38–43.*

Падрыхтавала да друку Л.У. Ляховіч.

Бясстрашная падпольшчыца

У часопісе «Полымя» (№3–4 за 1969 г.) апублікавана дакументальная аповесць Аляксандры Ус і Алены Уладзіміравай «Вікторыя».

Аповесць расказвае аб падпольшчыках 1-й клінічнай бальніцы горада Мінска. Тут працаваў прафесар Я.Ул. Клумаў, адзін з актыўных мінскіх антыфашыстаў, пасмяротна ўдастоены звання Героя Савецкага Саюза. Калектыў бальніцы выратаваў ад смерці многіх ваеннапалонных і пераправіў іх у партызанскія атрады, з якімі падпольшчыкі трымалі сувязь.

Яўген Уладзіміравіч Клумаў, Марыя Ермачонак, Вера Кароль, Ефрасіння Калбеева былі гераічнымі салдатамі нябачнага фронту.

Адзін з раздзелаў аповесці прысвечаны Ефрасінні Калбеевай. Яна прыйшла ў бальніцу сама з просьбай пры-

няць яе на работу. Добрасумленна і хутка выконвала даручэнні ўрачоў, адначасова ўважліва прыглядалася да сваіх новых калег. Тым, каму яна паверыла, Ефрасіння расказвала аб сваёй прафесіі юрыста, аб тым, што адступала з Заходняй Беларусі. Падпольшчыкі 1-й клінічнай бальніцы пачалі даваць дзяўчыне даручэнні, спачатку

Е. Калбеева.